

Ирина Складина

Свой чай

Ирина Складина

Свой чай

«Издательские решения»

Склянина И.

Свой чай / И. Склянина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504523-2

Что ты хочешь от жизни? Быть просто чем-то увлечённым или безумно следовать за своей идеей? Просто взгляни на героев новеллы «История петербургской болезни», возможно, сможешь найти ответ для себя. А если задуматься о том, какое место увлекает тебя и что связывает тебя с ним? Это глубоко личное для каждого. А что, если представить себя на самой яркой звезде под названием Сириус? Сможешь? Одноимённый сборник «Свой чай» поможет тебе во всём этом.

ISBN 978-5-00-504523-2

© Склянина И.
© Издательские решения

Содержание

История петербургской болезни	6
I	6
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Свой чай

Ирина Складина

© Ирина Складина, 2019

ISBN 978-5-0050-4523-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История петербургской болезни («Город полусумасшедших»)

В том, что я доктор, а вы душевно больной, нет ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность.
(А. Чехов)

I

«Руки. Боже, руки. Эти холодные сырые руки. Они не давали бежать. Они тянули меня в свой мёртвый круг, обрекая на пытки страхом. Я желал вырваться, но оказалось невозможным даже просто уехать. Закостенелый и как бы равнодушный, он, Петербург, в своих жадных лапах питается жизнями и является дьяволом, пожирая души и превращая их в тень.

Петербург – это владыка теней. Тени повсюду. Я бежал, бежал, но они догоняли меня и колотили по голове, по телу. И вдруг я не смог бороться с этим и поддался. Но неожиданно я понял: именно так моя жизнь не может продолжаться. И, запинаясь о прямые углы равнодушных домов, в припадке ужаса я пытался убежать из Петербурга. Но тут разом стали разъярёнными и дома, и торговые лавки, и ветер, и даже вывески, – всё хотело остановить, преградить дорогу. Я спасался от всего, но безуспешно. Упавши лицом в сырой асфальт, я забылся. А после был здесь...

Я хотел найти чистого петербуржца, но всё безрезультатно...».

Еремей Обелисков

Письмо лежало нетронутым несколько лет в досье молодого человека, пока новый доктор Обуховской больницы, Полочкин, не обнаружил записку:

– Гм... Очень забавно-с, – врач удивлённо водил глазами по чернильным строкам, а после обратился к санитарке, – как давно этот пациент здесь?

– Месяца четыре, – со свойственной резвостью отвечала девушка, – ей-богу, он такой странный: исписал стены каким-то кирпичным обрубком. Мы хотели забрать его, но пациент обещался пробить голову тому, кто это сделает.

– Да, забавно-с. А почему вы не дали ему бумагу?

– Что вы, не даём.

Доктор углубился в одну точку и, сжав губы, мерно покачивал головой, а после добавил:

– А что с ним сейчас?

– Дурачок совсем стал, – состроив гримасу, пролепетала санитарка, – он всё время повторяет одно слово – нашёл. – «Что нашёл?», – мы его спрашиваем. А он по-старому.

– Презанимательно... в какой он палате?

– Там, на верхнем этаже в последней.

Незамедлительно доктор Полочкин решил посмотреть на это чудо больницы. Он прошёл по коридорам, в которых зловонно оседали едкие лекарства, словно ими были пропитаны стены, пол и даже лица пациентов. Местами отходила и падала извёстка. Картина была такая, будто больницу только что встряхнули. Но она продолжала стоять годами, не меняя своего облика.

Доктор подошёл к палате и приготовил свою записную книжку, в которой хранились ценные для него мысли, быстро пролистал её до фразы из «Обыкновенной истории» И. Гончарова:

«Петербург уже давно описан, а что не описано, то надо видеть самому».

Доктор Полочкин был коренной петербуржец, из того рода господ, которых столица не перекраивает изнутри, а живёт в них, как восход серого солнца где-то на западе города. Таким петербуржцам вполне удобно и привычно всё: и сутолока, и внешняя холодность, и апатия к горестям другого и даже чай в простых белых кружках.

Василий Николаевич к шестнадцати годам думал, что изучил весь Петербург. Он наперёд знал, куда ведёт лабиринт улиц, как ревет Нева и как торговка бранит собак. У Полочкина всегда было в голове: «Петербург уже давно описан, а что не описано, то надо видеть самому». – Он услышал её случайно от прохожего, как бывает, когда стекло трескается от отскочившего в него мяча. Но после этого, просыпаясь, маленький Вася прежде, чем открыть глаза, ощупывал эту мысль со всех сторон и после бежал её осуществлять.

Юноша в двадцать лет был уверен, что только профессия доктора поможет ему. Как известно, люди – это душа города – возможно, болезнь и призрачность Петербурга и есть в самих людях. Полочкин не бредил идеей понять Петербург, но весьма увлёкся этим. Наверное, он был просто снобом и хотел уверить себя и, может быть, других, что видел и знает всё в городе, который казался таинственным для писателей-наблюдателей.

И вот, стоя перед палатой Обелискова, Василий Николаевич предвкушал, что этому предписано стать одним из главных достижений в его жизни. Он войдёт и сразу всё станет ясно – он был уверен: Петербург таится в этой комнате.

Возле походившей на обрюзгшего человека, жёлтой и немного покосившейся стены сидел Еремей Обелисков в смятой больничной рубашке. Сумасшедший был кроток и без выражения посмотрел на доктора. Под глазами пациента обвисали сливы, что, впрочем, неудивительно для обезумевшего, а лоб и щёки походили на скисшую грушу. Больше всего приковывали внимание ногти: под ними наливалась гранатовым соком кровь. Врач заметил это и скривился.

– Нашёл, – томно провозгласил Еремей.

– И я, – неожиданно для собеседника заявил Полочкин.

Сумасшедший не изменил лица, но зрачки его значительно расширились.

– Отныне ваш лечащий врач, Полочкин Василий Николаевич, – представился гость жёлтой комнаты.

Обелисков ничего не ответил и лишь тупым взглядом бурил точку в пространстве. Доктор вышел.

II

Полочкин изучал больничное досье Обелискова долгие две недели. И смог найти совсем немного стоящего материала. Вот, например, о детстве он отыскал только одно короткое упоминание:

«Е. Обелисков родился в городе А в семье цирюльника и швеи. Учился в гимназии хорошо. Начал писать стихи. Переехал в Петербург. Сошёл с ума. Начал приставать к людям. Попал в Обуховскую больницу».

Полочкина очень занимала перемена человека, связанная с переездом в Петербург. Зачем приехал? Как лишился рассудка? Впрочем, для поэтов это обычная штука... Или дело не в этом...

Другой документ, найденный в квартире и вошедший в досье Обелискова, был обрывком его стихотворения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.